

УДК 165

DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003

Проблема Менона в контексте эпистемологии добродетелей**Хорт Михаил Геннадьевич**

Аспирант,
ассистент кафедры социальной философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: mikhort@gmail.com

Аннотация

В статье осуществляется анализ ответов на проблему Менона, которые предлагают экстерналистские (релейбилистские) и интерналистские (респонсибилистские) теории. Проблема Менона возникает при рассмотрении знания как ценностного концепта. В основе этой проблемы лежит вопрос о том, почему знание ценнее, чем просто истинное убеждение. Экстерналисты отвечают, что знание есть истинное убеждение с надежным обоснованием. Надежность позволяет исключить случайность. В статье отмечается, что схожий релейбилистский ответ дан уже в самом диалоге, но он не удовлетворяет Сократа. Отмечается, что для Сократа ценность знания заключается в нормативной связи с познающим субъектом. Подобный ответ близок к современным респонсибилистским теориям эпистемических добродетелей. Указывается на недостатки современного интернализма, который сохраняет «компонент успеха» как важное условие знания. Делается вывод о том, что респонсибилизм и релейбилизм в равной мере не могут полностью решить проблему Менона.

Для цитирования в научных исследованиях

Хорт М.Г. Проблема Менона в контексте эпистемологии добродетелей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 1А. С. 30-36. DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003

Ключевые слова

Проблема Менона, эпистемология добродетелей, экстернализм, интернализм, респонсибилизм, релейбилизм, ценность знания.

Введение

Важная особенность эпистемологии добродетелей – ее способность «встраиваться» как в экстерналистские, так и в интерналистские теории познания. Данный факт свидетельствует о том, что эпистемология добродетелей – это скорее исследовательская установка, а не конкретная философская теория. Основой этой установки является рассмотрение эпистемологии как нормативной дисциплины. Так как нормы предполагают наличие субъекта – носителя норм, эпистемология добродетелей с необходимостью обращает внимание на субъекта познания. Как пишет А.Р. Каримов, «особенностью ценностного поворота, который совершает эпистемология добродетелей, является ее субъектоцентрированность, проявляющаяся в том, что в качестве экспликанса в эпистемологии используются понятия, относящиеся не к свойствам абстрактных пропозиций, а к ценностным свойствам познающего: интеллектуальные добродетели, интеллектуальные пороки, когнитивное достижение, когнитивная заслуга, превосходные черты интеллектуального характера и т. п.» [Каримов, 2021, 9].

В противоположность этому, традиционный подход в эпистемологии предполагал, что философы должны прежде всего дать описание того, что такое знание. И.Т. Касавин отмечает, что «для последней [классической эпистемологии], основанной на понятии знания как ЛТВ, главными вопросами были, во-первых, определение и критерии наличия ментальных состояний (убеждений); во-вторых, понятие и критерии истинности; и в-третьих, способы обоснования знания» [Касавин, 2019, 8-9], т. е. эпистемология определялась как дескриптивная дисциплина. Но указанная цель, являясь дескриптивной в своей основе, тоже вынуждала эпистемологию прибегнуть к той или иной форме нормативности. Описывая мнения в терминах истинности и обоснованности как знание, эпистемолог тем самым выносит оценку. Ситуация схожа с моральной теорией, которая начинается с вопроса «Что делает поступок или явление морально правильным?», дескриптивного по форме, но нормативного по сути. Аналогом данного вопроса в эпистемологии является следующий: «Что превращает истинное убеждение в знание?» Ответ на этот вопрос предполагает наличие такой теории, которая бы объясняла, почему знание является предпочтительнее (ценнее), чем просто истинное убеждение.

Дискуссия о том, в какой мере знание является нормативным или ценностным понятием, а в какой – дескриптивным, исторически впервые была представлена Платоном в диалоге «Менон». Во многом тематика этого диалога совпадает с другим его произведением – «Теэтетом». В обоих диалогах обсуждаются необходимые характеристики знания, производится сравнение знания и истинного убеждения. Но акценты расставлены по-разному. Модальность беседы в «Меноне» носит нормативный характер. Сократ не просто спрашивает, как можно описать знание. Его интересует, почему знание предпочтительнее, т. е. ценнее, чем просто истинное убеждение. Этот вопрос в истории философии получил название проблемы Менона¹.

Ближе к концу диалога Сократ спрашивает своего собеседника Менона, почему знать дорогу в другой город предпочтительнее, чем просто иметь истинное убеждение относительно того, как добраться до другого города. Ведь человек, который никогда не бывал в городе Лариса, но

¹ Проблему Менона следует отличать от парадокса Менона (или парадокса поиска), который изложен в этом же диалоге. Проблема Менона выражена в вопросе о ценностной коннотации термина «знания», тогда как парадокс поиска относится к вопросу возможности достижения знания.

имеет истинное убеждение о пути туда, так же, как и знающий и бывавший в этом городе, сможет в случае надобности указать нам дорогу, т. е. тот, кто случайно обладает истиной, может быть проводником в той же мере, что и тот, кто обладает ей на основе знания (с обоснованием, а значит, не случайно). Сократ делает из этого предварительный вывод о том, что знание не более полезно, чем истинное убеждение. На это Менон пытается возразить, что «обладающий знанием всегда попадет в цель, а обладающий правильным мнением когда попадет, а когда и промахнется» [Платон, 1990, т. 1, 609]. Сократ отвечает, что пока убеждение действительно истинно, хотя и не обоснованно, оно будет полезно в равной со знанием степени.

Основная часть

Ответ, предложенный Меноном, можно атрибутировать в качестве экстерналистского² объяснения ценности знания. Можно сказать, что он ссылается на надежность знания, заявляя, что просто истинное убеждение в серии заключений может приводить к ошибкам. В таком случае наличие обоснования более ценно, чем его отсутствие. Субъект, имеющий обоснование, будет находиться в превосходной эпистемической позиции по сравнению с тем, кто им не обладает. Добавление к релейбилизму элементов аретического подхода позволяет дать ответ на сократовское возражение, что просто истинное убеждение в реализации практических целей не отличается от знания.

Релейбилистский субъект фокусируется не только на инструментальной ценности истинного убеждения, но и на ценности успешной реализации убеждений на практике (вспомним тезис Сосы о том, что знание должно быть рассмотрено в контексте действия). Обладающий знанием имеет не только надежно истинные убеждения, но и возможность передавать их, ссылаясь на наличие обоснования. Поэтому, как считают экстерналисты, они могут объяснить проблему Менона, ведь их теория имеет нормативное измерение [Gresco, 2010, 2]. Знание рассматривается как успех в реализации способности. Успех предполагает, что достижение результата (к примеру, формирование истинного убеждения) не просто случайно, оно является следствием активности субъекта. Поэтому успех заслуживает похвалы. Как утверждает Э. Соса, «мы предпочитаем поступок на основе истинного убеждения, когда не только само убеждение, но и его истинность приписывается агенту как результат собственной активности» [Sosa, 2007, vol. 1, 92].

Ответ Менона, равно как и ответы релейбилистов, не решает проблему по существу. Сказать, что активная реализация способности заслуживает похвалы, недостаточно. Ведь те способности, о которых обычно упоминают экстерналисты, слишком примитивны, чтобы считаться превосходством. Как правило, это стандартные когнитивные процессы: зрение, ощущение, память и т. д. Дж. Лэки считает, что активность, сопряженная с такими способностями, слишком проста [Laskey, 2009, 29]. Это особенно очевидно в ситуациях коммуникативного знания. К примеру, приехавший в Чикаго турист узнает о том, где находится Сир-Тауэр. Он обладает знанием. Заслуживает ли он похвалы? Экстерналисты считают, что даже в столь примитивной ситуации активность субъекта позволяет приписать ценность его истинным убеждениям. У. Риггс пишет, что «разнообразные когнитивные способности,

² В контексте данной статьи пары терминов «экстернализм»/«релейбилизм» и «интернализм»/«респонсибилизм» будут рассматриваться как синонимичные.

механизмы и т. д. задействованы в стандартном свидетельском суждении... Тот факт, что обладание этими способностями и их использование требуются для свидетельского суждения, позволяет сказать, что успех посредством этих способностей приписывается носителю убеждения как когнитивному агенту» [Riggs, 2009, 214].

Для релейбилистов обоснование служит проводником к истине. Поэтому эпистемический успех для них невозможен без достижения истины. Истина, таким образом, является важнейшим критерием познавательного успеха. Но обладание просто истинным убеждением уже позволяет нам иметь этот важнейший критерий успеха. Это и есть центральное противоречие, именно о нем спрашивает Сократ. Он стремится понять не только то, почему ценна истина. Важнее то, почему так ценится обоснование само по себе, даже без его связи с истиной.

В платоновском диалоге дается довольно суггестивный ответ на этот вопрос, который обычно трактуется все в том же экстерналистском ключе. Сократ сравнивает истинные убеждения с Дедаловыми статуями, которые двигаются и постоянно убегают. Потом он говорит: «...владеть этими творениями, если они развязаны, мало проку, как и владеть человеком, склонным к побегам: все равно они на месте не останутся. А вот иметь их, если они связаны, весьма ценно: уж очень хороши эти изваяния. К чему я это говорю? Я имею в виду истинные мнения: они тоже, пока остаются при нас, вещь очень неплохая и делают немало добра; но только они не хотят долго при нас оставаться, они улетучиваются из души человека и потому не так ценны, пока он их не свяжет суждением о причинах. А оно и есть, друг мой Менон, припоминание, как мы с тобой недавно установили. Будучи связанными, мнения становятся, во-первых, знаниями и, во-вторых, устойчивыми. Поэтому-то знание ценнее правильного мнения и отличается от правильного мнения тем, что оно связано» [Платон, 1990, т. 1, 609].

Что значит «связано» в процитированном фрагменте? Платон использует термин *δεδεμένη* [dedeména] – «связанный». Обычно его понимают буквально: связанная статуя не может передвигаться, она будет стоять на одном месте. Так же и истинное убеждение нужно «установить», сделать его неподвижным, т. е. неизменчивым и необходимым. Это вполне соответствует ограничению надежности. В этом смысле *δεδεμένη* – условие надежности. Но стоит обратить внимание на окончание сократовской реплики. Там делается различие между знанием и устойчивым (*μόνιμοι* [mónimoi]) убеждением. Сократ перечисляет их как отдельные феномены. Если бы «устойчивость», т. е. надежность, была необходимым и достаточным критерием знания, то, скорее всего, подобного различия бы не было. Значит, знание не тождественно устойчивому истинному убеждению, хотя они оба произведены благодаря «связыванию».

Слово *δεδεμένη* имеет в том числе ценностную коннотацию. В некоторых случаях оно может описывать моральные деонтологические связи, которые возникают между женой и мужем³ или человеком и Богом⁴. В этом случае *δεδεμένη* выступает антонимом к «разрешенный»⁵. Деонтологическое прочтение тезиса Сократа усиливается, если рассматривать его в контексте всего произведения, где главным познавательным инструментом называется припоминание,

³ Например: «Жена связана (*δεδεμένη*) законом, доколе жив муж ее» (1 Кор. 7:39, 40).

⁴ Например: «И вот, ныне я, по влечению (*δεδεμένος*) Духа, иду в Иерусалим» (Деян. 20:17-27).

⁵ Например: «Истинно говорю вам: что вы свяжете (*δεδεμένη*) на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18:18).

которое всегда является индивидуальным делом, причем в платонической философии это дело носит не только эпистемический, но и этический характер. В таком случае «связанное» истинное убеждение – это такое убеждение, за которое субъект несет ответственность. Приняв эту версию, мы можем понять, почему экстерналистский ответ Менона не удовлетворяет Сократа. Он требует от знания большего: оно должно быть ценно не только в веритическом отношении. Проводник, который имеет лишь истинное убеждение относительно пути, не несет ответственности за свое убеждение, тогда как знающий связан с истинным убеждением, он за него в ответе. Поэтому мы предпочитаем второго первому. Связав Дедаловы статуи, я не просто заставляю их стоять на месте. После этого акта они становятся моей собственностью, и я вынужден быть добродетельным хозяином. Подобное прочтение Менона схоже, но не тождественно интернализму в его респонсибилистском варианте.

Респонсибилизм, как и релейбилизм, требует, чтобы знание было заслугой познающего субъекта. Отличие же респонсибилизма заключается в том, что заслуга трактуется через требование осведомленности, а не надежности. Будучи осведомленным, субъект имеет когнитивный доступ к условиям своей мотивации. Добродетельная мотивация определяет обоснованность убеждения. Л. Загзевски пишет: «Добродетель – это глубокое и устойчивое приобретенное совершенство человека, включающее характерную мотивацию для достижения определенной желаемой цели и надежный успех в достижении этой цели. ...мотив – это действие-направляющая эмоция с определенной целью, внутренней или внешней» [Zagzebski, 1996, 137]. Отсюда следует, что проявленность добродетели эпистемической ответственности определяет ценность знания в сравнении с просто истинным убеждением.

Таким образом, для респонсибилизма добродетелью являются не надежные способности, но «внутренние» качества субъекта. Эти качества определяются мотивацией. Как отмечает Л. Загзевски, «истинное убеждение потому и является хорошим, что оно либо успешно в своем представлении, цели, либо является предрасположенностью к успеху» [Zagzebski, 2003, 136]. В этом смысле содержанием добродетельной эпистемической мотивации должно быть стремление получить как можно больше истинных убеждений. В случае с проблемой Менона это означает, что знание ценнее, потому что оно получено из стремления к обоснованной истине как финальной ценности, тогда как просто истинное убеждение имеет лишь инструментальную ценность. В инструментальном отношении между знанием и истинным убеждением нет разницы, но она имеется, если мы рассматриваем пространство предельных эпистемических оценок. Дж. Баэр утверждает по этому поводу, «что если позитивная ориентация человека на истину или связанные с ней цели не способствует повышению его личной интеллектуальной ценности, то она не делает его интеллектуально добродетельным» [Baehr, 2012, 114].

Заключение

Респонсибилистский ответ на проблему Менона рассматривается нами как неудовлетворительный. Он сохраняет важную экстерналистскую черту – компонент успеха. Добродетель должна помогать в достижении истинных убеждений, и именно поэтому она представляет ценность. Мотивированный на получение истины субъект будет получать ее с большей вероятностью, чем тот, кто подобной ориентации не имеет. Подобный подход мало чем отличается от релейбилизма. Он все еще рассматривает эпистемические добродетели как ценные лишь в инструментальном отношении. Но эпистемические добродетели должны иметь самостоятельную ценность. Если они такой ценностью не обладают, то не могут выступать в

качестве безусловного источника эпистемического долженствования. Эпистемически ответственный субъект является ответственным не для чего-то, а потому что он не может быть безответственным. Ответственность есть внутренняя мотивация, проистекающая из его черт характера. Стандартный респонсибилистский подход подразумевает, что быть эпистемически ответственным субъектом (равно как обладать другими добродетелями) не имеет смысла в мире картезианского обманщика, ведь там невозможно добиться успеха в формировании истинного убеждения. Но эпистемология должна объяснить ценность знания даже в любом возможном мире. Вероятное решение этой проблемы будет связано с отрицанием «компонента успеха» как в релейбилистских, так и в респонсибилистских теориях.

Библиография

1. Каримов А.Р. К знанию через добродетели: об основаниях аретического подхода в эпистемологии // *Epistemology and philosophy of science*. 2021. № 4. С. 6-21.
2. Касавин И.Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // *Epistemology and philosophy of science*. 2019. № 3. С. 6-19.
3. Платон. Собрание сочинений. М., 1990. Т. 1. 860 с.
4. Baehr J. *The inquiring mind: on intellectual virtues and virtue epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 235 p.
5. Greco J. *Achieving knowledge: a virtue-theoretic account of epistemic normativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 205 p.
6. Lackey J. Knowledge and credit // *Philosophical studies*. 2009. Vol. 142. No. 1. P. 27-42.
7. Riggs W. Two problems of easy credit // *Synthese*. 2009. Vol. 169. No. 1. P. 201-216.
8. Sosa E. *A virtue epistemology*. Oxford University Press, 2007. Vol. 1. 164 p.
9. Zagzebski L. Intellectual motivation and the good of truth // DePaul M., Zagzebski L. (eds.) *Intellectual virtue: perspectives from ethics and epistemology*. Oxford, 2003. P. 135-154.
10. Zagzebski L. *Virtues of the mind: an inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 365 p.

The Meno problem in the context of virtue epistemology

Mikhail G. Khort

Postgraduate,
Assistant Lecturer at the Department of social philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 18 Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: mikhort@gmail.com

Abstract

The article discusses the Meno problem in the context of contemporary debates in epistemology. The author views the value connotation of the term “knowledge” as an important problem of epistemology. Modern epistemology problematizes this question. In the traditional theory of knowledge, the subject is the source of epistemological evaluation of beliefs. Virtue epistemology shifts the focus of analysis from beliefs to the subject itself. Applied to Meno's problem, this means that the answer to the question of the difference between true belief and knowledge must be given in the context of the discussions of the qualities of the subject. The main part of the article describes two contemporary approaches to the Meno problem. Externalists put forward the reliability of

cognitive abilities as the most important epistemic quality of the subject. Reliable abilities allow for sustained epistemic success. Thus, knowledge is more valuable than true belief because of reliable justification. Justification is derived from ability. Another view is internalism. Representatives of this approach believe that the value of knowledge is determined by the motivations through which it is produced. Motivations are stable dispositions to achieve the truth. The article points out that in this aspect, responsibilism and reliabilism have one common condition – the “component of success”. In both theories, the truth remains the final epistemic value. The author comes to the conclusion that both approaches do not give a satisfactory answer to the Meno problem.

For citation

Khort M.G. (2022) Problema Menona v kontekste epistemologii dobrodeteli [The Meno problem in the context of virtue epistemology]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (1A), pp. 30-36. DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003

Keywords

Meno problem, virtue epistemology, externalism, internalism, responsibilism, reliabilism, value of knowledge.

References

1. Baehr J. (2012) *The inquiring mind: on intellectual virtues and virtue epistemology*. Oxford: Oxford University Press.
2. Greco J. (2010) *Achieving knowledge: a virtue-theoretic account of epistemic normativity*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Karimov A.R. (2021) K znaniyu cherez dobrodeteli: ob osnovaniyakh areticheskogo podkhoda v epistemologii [Towards knowledge through virtues: on the foundations of the aretaic approach in epistemology]. *Epistemology and philosophy of science*, 4, pp. 6-21.
4. Kasavin I.T. (2019) Epistemologiya dobrodeteli: k sorokaletiyu povorota v analiticheskoi filosofii [Virtue epistemology: on the 40th anniversary of the turn in analytical philosophy]. *Epistemology and philosophy of science*, 3, pp. 6-19.
5. Lackey J. (2009) Knowledge and credit. *Philosophical studies*, 142 (1), pp. 27-42.
6. Plato (1990) *Sobranie sochinenii* [Collected works], Vol. 1. Moscow.
7. Riggs W. (2009) Two problems of easy credit. *Synthese*, 169 (1), pp. 201-216.
8. Sosa E. (2007) *A virtue epistemology*, Vol. 1. Oxford University Press.
9. Zagzebski L. (2003) Intellectual motivation and the good of truth. In: DePaul M., Zagzebski L. (eds.) *Intellectual virtue: perspectives from ethics and epistemology*. Oxford, pp. 135-154.
10. Zagzebski L. (1996) *Virtues of the mind: an inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.